

Цин Луань поспешно вошла внутрь и увидела, как маленькая служанка, дрожа, стоит на коленях на полу. У её ног лежали осколки разбитой чаши, а рисовая каша с кусочками рыбы разлилась по всему полу. Гу Чэнь, раздражённо оттолкнув осколки ногой, прижала княжну к горлу, заставив её выплюнуть всё, что она только что проглотила. Цин Луань смотрела, как слабая и измождённая княжна снова вырвала на Гу Чэнь, и, отвернувшись, подумала, что позже нужно будет отправить для молодой главы пару сменных одежд.

Только бы она не стала привередничать из-за того, что в резиденции преобладают длинные платья и просторные одежды.

— Что случилось?

Цин Луань подняла служанку с пола, отвела её подальше от Гу Чэнь и спросила.

Служанка тихо всхлипывала, словно боясь Гу Чэнь, и, спрятавшись за спиной Цин Луань, робко объяснила:

— Княжна уже несколько дней ничего не ела, я...

Гу Чэнь, нажимая на определённые точки на теле княжны, заставила её выплюнуть всё, что было внутри, и, отпустив её, холодно произнесла:

— Ты знаешь, что она уже несколько дней ничего не ела? Рисовая каша с рыбой — ты что, хочешь её убить?

Сказав это, Гу Чэнь вытерла руки платком с прикроватного столика княжны, посмотрела на свои испачканные одежды и, не выдержав, сняла их и бросила на пол.

— Уберите этот беспорядок на полу, откройте окно на маленькую щелочку, чтобы проветрить комнату, но следите, чтобы холодный воздух не дул прямо на больную. Давайте ей воду небольшими порциями.

Затем она перечислила несколько названий лекарств и их дозировку, обращаясь к Цин Луань:

— Лекарства для княжны ты сама пойдёшь за ними, приготовишь и принесёшь.

— Идите, чего вы все тут стоите?

Цин Луань взглянула на полулежащую на кровати княжну, затем на Гу Чэнь, и, хотя в её взгляде сквозило беспокойство, она быстро получила подтверждающий взгляд. Вместе со служанкой она убрала грязь в комнате и вышла, оставив Гу Чэнь одну с больной.

Внутри комнаты остались только Гу Чэнь и княжна. Гу Чэнь села на край кровати, глядя на бледное лицо княжны, и после непродолжительного молчания прямо заявила:

— Ты умираешь.

Казалось, княжна не ожидала услышать такие слова. Она сначала удивилась, а затем на её лице мелькнула мимолётная улыбка.

— Я... знаю.

Её голос был настолько слаб, что, если бы не внимательность Гу Чэнь, её слова можно было бы не расслышать. Гу Чэнь, всегда терпеливая с пациентами, продолжила:

— Ты отравлена, яд проник глубоко. Ты это знаешь?

Княжна, казалось, уже совсем обессилела, закрыла глаза и кивнула.

Увидев её кивок, Гу Чэнь не знала, что сказать. Комната погрузилась в тишину, и лишь спустя долгое время она снова заговорила:

— Я постараюсь вывести яд и вылечить тебя, но я не могу обещать успеха.

— Гу Чэнь?

Княжна медленно открыла глаза, её дыхание всё ещё было слабым.

— Да, Гу Чэнь из Долины Лекарств.

— Юнь Жань.

Взгляд княжны остановился на Гу Чэнь, и она назвала своё имя. Спустя некоторое время на её губах появилась улыбка облегчения.

— Оказывается, ты женщина. Тогда я прощаю тебе твою дерзость.

Произнеся это, она, казалось, уже потратила много сил и снова закрыла глаза.

Гу Чэнь почувствовала, что это немного забавно. Она всегда считала, что врачи должны быть как родители для пациентов. С её болезненным видом, кто бы мог подумать о чём-то другом? Простить её дерзость? Разве женщина не может быть дерзкой? Эта княжна, видимо, слишком наивна.

Много лет спустя Гу Чэнь вспоминала этот момент с чувством благодарности. Благодаря словам княжны «прощаю тебе твою дерзость», у неё появилось множество возможностей, которые позволили ей быть свободной и жить, как она хотела.

Княжна Юнь Жань говорила несколько фраз, а затем ей нужно было отдыхать. Не успела Гу Чэнь закончить разговор, как княжна, обессилев, снова погрузилась в сон. Гу Чэнь, оставшись одна, не могла уйти, так как ей нужно было следить за своей знатной пациенткой. Она решила осмотреться вокруг.

На столе лежала незаконченная картина с ветвями. Гу Чэнь остановила на ней взгляд, но не стала рассматривать подробно. Эта княжна, будучи больной, редко выходила из дома, и, вероятно, большую часть времени проводила за чтением и рисованием. Это, конечно, тоже требовало сил и энергии, что не очень подходило для больной. Но если бы ей запретили даже это, Гу Чэнь не могла представить, чем бы она занималась — лежала бы в постели и ждала смерти?

Она взяла один из свитков и развернула его. На нём была изображена сливовая роща, где большая часть цветов уже распустилась. Гу Чэнь, хотя и не разбиралась в живописи, понимала, что эта картина была превосходной. Но почему она всегда рисовала сливы? На этой картине были сливы, и на той, что лежала на столе, тоже. Неужели она рисовала только сливы? Гу Чэнь стало любопытно. В резиденции княжны даже в стенах были проложены каналы для обогрева, а под каменными дорожками была система «земляной дракон», из-за чего здесь не могли расти сливовые деревья. Гу Чэнь предположила, что, возможно, именно поэтому княжна рисовала их. Для слабой княжны даже запах сливовых цветов был роскошью.

Размышляя об этом, Гу Чэнь с сожалением свернула свиток и положила его обратно. Затем её внимание привлёк другой свиток, обёрнутый в ярко-жёлтую ткань. Этот цвет был либо подарком императора, либо его собственной работой. Гу Чэнь взяла его и развернула, просто из любопытства. Если император так благоволил к этой княжне, то то, что он подарил, должно быть чем-то особенным.

На свитке была изображена женщина в ярко-красном дворцовом наряде, с длинными развевающимися волосами и мягкой улыбкой на лице. Её глаза сияли, а в руках она держала полураскрытый веер. В ушах у неё были украшения с цветами пиона. Это была сама княжна, её знатная пациентка.

«Изысканная красота» — это были единственные слова, которые пришли на ум Гу Чэнь, когда она увидела картину. Держа свиток в руках, она смотрела на изображённую на нём красавицу, чувствуя при этом странное сожаление. Когда она впервые увидела Юнь Жань, она сомневалась в словах старика из таверны, который называл её красавицей, считая, что он преувеличивает. Но теперь, увидев эту картину, Гу Чэнь действительно почувствовала сожаление.

Жаль, что такая красавица не сможет избежать когтей смерти. Она, должно быть, живёт в постоянных страданиях.

— Эта картина была написана самим императором, когда она уже была тяжело больна. Он лишь добавил немного цвета.

Цин Луань, приготовив лекарство, поставила его на стол и, свернув свиток, с лёгким извинением сказала Гу Чэнь:

— Пожалуйста, не упоминайте об этом перед княжной. Девушки всё-таки чувствительны к таким вещам.

Гу Чэнь кивнула, но в её взгляде появилось больше подозрений.

Княжна, прикованная к постели, но с близкой служанкой, обладающей выдающимися боевыми навыками. Гу Чэнь признала, что, рассматривая картину, она немного отвлеклась, но не настолько, чтобы не заметить, как кто-то подошёл к ней сзади. Если бы не аромат лекарства из чаши, она бы даже не поняла, когда Цин Луань вошла в комнату.

Гу Чэнь уже видела её навыки владения мечом, а теперь и её лёгкость в движениях. Говорят, что во дворце много мастеров. Неужели она тоже из их числа? Зачем такой мастер рядом с больной княжной, которая даже с трудом может встать с постели? Чтобы защитить её или чтобы забрать её жизнь? Кто её отравил и зачем кому-то понадобилась жизнь княжны, не связанной с императорской фамилией?

Половина лекарства была выпита, а половина выплюнута. Гу Чэнь, скрестив руки, молча наблюдала, как Цин Луань ухаживала за княжной. Затем, к удивлению Юнь Жань, она взяла свой кинжал и разрешила артерию на её запястье. Кровь начала стекать по руке, и Гу Чэнь подставила заранее приготовленную чашку, чтобы собрать её. Когда в чашке скопилось достаточно тёмно-красной крови, она накрыла её и, взяв бинт у Цин Луань, начала перевязывать рану княжны.